

После ужина Бай Шу всё крутился во дворике Хана Сиэня, явно не желая уходить. Заметив, что хозяин дома не выказывает и следа сонливости, юноша дождался, пока служанки приберут посуду, и принялся во всех подробностях выкладывать дворцовые новости. Разумеется, он не преминул похвастаться тем, как уложил на лопатки императорских гвардейцев.

Впрочем, он вовсе не презирал силу гвардии. Напротив, защитники императорского дворца были бойцами выдающимися — всё же именно им доверяли охрану внутренних покоев. Справиться с ними Бай Шу удалось лишь потому, что они выходили на бой по одному. Навались они всей гурьбой — и даже его выдающееся мастерство не помогло бы уйти невредимым.

Рассказывал Бай Шу увлечённо, то повышая, то понижая голос; глаза его так и сияли. Картина выходила живой и яркой — полная противоположность манере Хана Сиэня, который даже о смертельных опасностях рассказывал самым будничным, безучастным тоном, будто речь шла о чём-то обыденном.

Хан Сиэнь представил, как юноша махал кулаками во дворце, и в душе шевельнулось весёлое изумление. Когда рассказчик наконец перевёл дух, Сиэнь поднял на него взор. Бай Шу сидел напротив, сияя улыбкой, его изогнутые брови и сощуренные глаза выдавали искреннюю радость.

Облик Бай Шу разительно отличался от броской, резкой и хищной красоты Хана Сиэня. Черты его лица были мягче и тоньше, а чуть пухлые щёки так и подмывало ущипнуть. Особое очарование его открытому лицу придавали миндалевидные глаза: стоило ему улыбнуться, как они превращались в искрящиеся влажным блеском полумесяцы.

Хан Сиэнь пристально посмотрел на него, затем неторопливо отвёл взгляд и произнёс:

— В поместье сейчас набирают слуг. Если тебе кто-то нужен, просто скажи Цзян Хао.

Цзян Хао был одним из стражников, которых Хан Сиэнь нанял днём наугад. Узнав его имя, маркиз без долгих раздумий назначил его начальником охраны.

— Мне не нужны слуги, — покачал головой Бай Шу. — Ни служанки, ни лакеи.

Произнося это, он невольно скользнул взглядом по волосам и одежде Хана Сиэня. Юноша знал, что тот терпеть не может чужих прикосновений: одевался маркиз всегда сам, но вот собирать волосы в высокую причёску ему всё же помогали служанки.

«В будущем не стоит утруждать этих девиц, — подумал Бай Шу. — Я и сам прекрасно справлюсь. В Сицзяне я уже собирал ему волосы, и он не стал возражать».

От этого воспоминания в голове сама собой всплыла фраза о согласии и любви супругов. Следом нахлынули другие мысли — о том, как Хан Сиэнь прижимал его к себе в темноте. Он

будто снова почувствовал жар чужого тела и услышал прерывистое, горячее дыхание у самого уха.

Ему казалось, что губы Сиэня всё ещё касаются его шеи.

«И почему он тогда меня не поцеловал?» — с досадой подумал Бай Шу.

В воображении тут же заплесали картинки того самого несостоявшегося поцелуя. От этих фантазий у юноши пересохло в горле, а кончики ушей предательски запылали. Смутившись, он принялся нервно тереть мочку уха.

Хан Сиэнь и представить не мог, какую бурю вызвали его простые слова. Похоже, человеческая фантазия действительно не знает границ. Он молча наблюдал, как Бай Шу уходит в свои грёзы: сначала покраснели его уши, затем густой румянец залил щёки и хлынул вниз по шее, скрываясь под воротником. Юноша беспокойно завозился, чувствуя, что теряет контроль над собой, — сейчас он больше всего походил на варёного рака.

Опасаясь окончательно выдать себя, он резко вскочил.

— Хан Сиэнь, я... пойду искупаюсь! — выпалил он и, мгновенно перемахнув через стену, скрылся из виду.

Маркиз ещё долго сидел неподвижно. Наконец он протянул бледную руку, взял со стола остывший чай и сделал несколько глотков.

Осушив чашку до дна, он поднялся и ушёл к себе. Смыв усталость под горячей водой, Хан Сиэнь облачился в лёгкие домашние одежды, полулёг на постели и открыл «Географическое описание Великой Чжоу».

Он питал слабость к книгам — и в прошлой жизни, и в нынешней ему нравилось само ощущение бумажных страниц в пальцах. Однако насладиться чтением он не успел: створка окна тихо скрипнула, и в комнату бесшумно скользнул Бай Шу.

Сиэнь удивлённо приподнял бровь, наблюдая, как юноша стремительно пересёк спальню и юркнул под одеяло, устроившись у самой стены. Маркиз полагал, что после недавнего конфуза тот будет избегать его по меньшей мере пару дней.

Бай Шу полежал немного, а затем осторожно, стараясь не привлекать внимания, придвинулся ближе и спросил, приподняв голову:

— Хан Сиэнь, ты теперь каждый день будешь ходить во дворец к утреннему докладу?

Бай Шу и понятия не имел, что Сиэнь сегодня присутствовал на совете. Дворцовые интриги его мало заботили. Но благодаря превосходному слуху, пока он бродил под окнами, не зная, под каким предлогом вернуться, до него долетели слова служанки. Та наказывала кухаркам приготовить завтрак пораньше, чтобы маркиз не опоздал к императорскому двору. Этот подслушанный разговор показался ему отличной зацепкой для беседы.

Заметив эту неловкую попытку завязать разговор, Сиэнь отложил книгу на прикроватный столик.

— Нет, — отозвался он. — Я не люблю эти собрания и не собираюсь бывать там ежедневно.

Бай Шу опешил.

— Но разве император не разгневается? — с тревогой спросил он.

Государь славился своим тщеславием, и подобное пренебрежение могло обернуться немилостью.

На губах Хана Сиэня промелькнула едва заметная усмешка.

— Не имеет значения.

Тщеславие правителя его не волновало. Маркиз прекрасно понимал: если он станет ходить на доклады каждый день, то уже через три дня вытащит на свет все грязные тайны придворных чиновников. Его присутствие во дворце было для них стихийным бедствием. Чиновники вздохнут с облегчением, если он перестанет появляться, и сами придумают для него сотню оправданий перед государем. Впрочем, Сиэнь планировал время от времени напоминать о себе, чтобы держать двор в постоянном напряжении.

Видя его абсолютную уверенность, Бай Шу успокоился. Свою главную задачу он выполнил — его не прогнали, а большего ему и не требовалось. Уткнувшись лицом в подушку, он быстро заснул.

Хан Сиэнь лишь бросил на него мимолётный взгляд и ничего не сказал.

На следующее утро, когда Бай Шу открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Хана Сиэня в постели не было. Юноша быстро оделся — сегодня ему не нужно было являться на службу в императорскую гвардию, так что спешить было некуда.

Наспех умывшись и перекусив пирожками, он отправился искать хозяина дома и обнаружил

его в парадном зале.

Хан Сиэнь принимал гостя. Это был первый визит в поместье маркиза с момента его основания. Этим гостем оказался Хан Юэвэнь.

Он пришёл лично пригласить старшего брата на свадьбу. С точки зрения общества они оставались близкими родственниками. Госпожа Лю настаивала, что раз отец, герцог Хань Чжо, ещё жив, Сиэнь обязан явиться хотя бы из приличия. Да и указ императора о женитьбе был обнародован, дата известна всем — зачем посылать особое приглашение?

Получив титул наследника, Хан Юэвэнь всё чаще ловил себя на том, что смертельно устал от капризов матери. Ему пришлось долго и терпеливо растолковывать ей, что статус Сиэня изменился, да и нрав у него не такой, как у обычных людей.

Конечно, можно было отправить слугу с запиской, но Юэвэнь опасался, что вестника просто выставят за ворота. Поэтому он решился прийти сам, хотя, стуча в двери, испытывал немалую тревогу: вдруг брат наотрез откажется принимать кого-либо из герцогского дома?

К его облегчению, после доклада его без лишних проволочек впустили.

Хан Юэвэнь смутно догадывался, что государь не питает к нему симпатии. В его душе крепло нехорошее предчувствие: когда отец уйдёт в мир иной, унаследовать герцогский титул без препон ему вряд ли удастся. Впрочем, он пришёл вовсе не за тем, чтобы просить брата о защите своего наследства, — он слишком хорошо знал, что Сиэнь не станет в это вмешиваться. Юэвэнь просто хотел проявить уважение и искренне позвать его разделить это торжество, а не делать вид, будто старшего брата вовсе не существует, как поступала госпожа Лю.

Выслушав его, Хан Сиэнь не ответил ни «да», ни «нет».

— Если в тот день я буду свободен, то приду, — равнодушно обронил он.

Скрытый смысл этих слов был ясен: если у него появится настроение — он придёт, а если нет — сразу найдутся неотложные дела.

Юэвэнь прекрасно понял этот намек, но разочарования не испытал. Тот факт, что его не выставили за порог, уже можно было считать победой. Заметив вошедшего Бай Шу, он поспешил откланяться.

Когда за гостем закрылась дверь, Бай Шу сел напротив Сиэня.

— Он совсем не похож на людей из поместья герцога Хань, — заметил он.

— Какая разница, похож или нет, — отозвался Хан Сиэнь. — Просто из него не успели вырастить законченного подлеца.

Прежде Юэвэнь был любимцем старой госпожи, законным вторым сыном, которого лелеяла мать и продвигал отец. Он рос гордым и уверенным в своём будущем. К больному старшему брату он относился с высокомерным пренебрежением, попросту не замечая его. Однако годы шли, а Сиэнь устраивал такие потрясения для всей семьи, что на фоне безумств своих родственников Юэвэнь волей-неволей научился хоть немного отличать добро от зла.

Время летело незаметно, и вскоре настал день свадьбы. Бай Шу ушёл на службу во дворец, а Хан Сиэнь, немного поразмыслив, решил от нечего делать нанести визит в герцогское поместье.

Бракосочетание готовили в спешке, но статус императорского указа обязывал соблюсти приличия, поэтому праздник устроили пышный. Гостей собралось немало, однако Хань Чжо прекрасно видел: поздравить их пришли лишь мелкие чиновники. Ни один влиятельный вельможа не почтил дом своим присутствием.

Герцог с трудом выдавливал из себя вежливую улыбку, изо всех сил стараясь держать лицо. Но стоило на пороге появиться Хану Сиэню, как праздничный гул мгновенно стих.

Атмосфера праздника в одно мгновение испарилась. Лицо госпожи Лю окаменело, а пальцы, сжимавшие шёлковый платок, побелели от злости.

Чжао И, будучи гэером, по обычаю не надевал свадебное покрывало. Юноша обладал приятной, правильной внешностью; под нарядными одеждами угадывалось хрупкое, но крепкое телосложение.

Во время свадебных поклонов госпожа Лю окинула невестку-гэера полным отвращения взглядом. Она была убеждена: весь позор и насмешки, которые ей пришлось вытерпеть сегодня, — вина этого ничтожества и проклятого Хана Сиэня. К старшему пасынку она подобраться не могла, но уж над этим мальчишкой она поглумится вволю!

Чжао И поднял было голову, но, натолкнувшись на ядовитый взор свекрови, тут же испуганно опустил глаза, мелко задрожав. Стоявший рядом Хан Юэвэнь мгновенно ощутил его страх. В груди молодого человека вспыхнул гнев: он никак не мог взять в толк, почему мать ведёт себя столь глупо и неосторожно в присутствии гостей. Неужели она думает, что титул наследника даёт ей право творить всё, что вздумается?

Бросив на госпожу Лю предостерегающий взгляд, Юэвэнь крепко сжал холодные пальцы супруга и увлёк его за собой, чтобы завершить церемонию поклонения предкам.

Наблюдавший за этой сценой Хан Сиэнь едва заметно и очень довольно усмехнулся.

В день свадьбы жениху полагалось пить без меры, соревнуясь с гостями, однако из-за присутствия Хана Сиэня присутствующие вели себя тише воды, ниже травы. Все чинно сидели за столами, боясь выкинуть какую-нибудь глупость.

Сиэнь собирался уйти сразу после угощения, но, забавляясь всеобщим оцепенением, остался до самого конца. Как только столы опустели, гости поспешили покинуть поместье с невероятной быстротой. К засидевшемуся маркизу подошла робкая служанка и сообщила, что его прежние покои прибраны и готовы принять его на ночь.

Однако тот не собирался принимать заботу герцогского дома.

— Моё поместье неподалёку, я отдохну у себя, — бросил он и неторопливо направился к выходу.

От такого пренебрежения у госпожи Лю от злости разболелась голова. Если бы Хань Чжо самолично не приказал ей подготовить комнату, она бы и на порог этого неблагодарного мерзавца не пустила!

Сам же новобрачный не стал вмешиваться в эти дразги. Он с иронией подумал, что стал, пожалуй, единственным женихом в столице, который провожал гостей в абсолютной трезвости.

После свадьбы брата Хан Сиэнь снова заперся в своём поместье, неделями не показываясь на людях. Бай Шу послушно нёс службу в гвардии: два дня во дворец, один — дома. Вскоре в столице не осталось человека, который бы не знал, что молодой инструктор Бай обосновался под крышей маркиза Вечного Покоя.

Разумеется, шептались только за спиной. Сказать такое в глаза Хану Сиэню означало навлечь на себя скорую и изощрённую кару, а если неосторожно высказаться при Бай Шу — можно было запросто влететь пинком в ближайшую стену. Поскольку оба были смертельно опасны, сплетники предпочитали помалкивать при встрече, отыгрываясь лишь тем, что проклинали их втихомолку.

Но вот настал день, когда Хан Сиэнь всё же соизволил явиться во дворец. В зале заседаний царила непривычная тишина и благолепие, министры вели себя вежливо, а на лице императора сияла довольная улыбка. И в тот самый миг, когда государь и его верные слуги пребывали в полнейшем согласии, во дворец ворвался гонец с заставы Сицзяна с донесением чрезвычайной важности.

Западные жуны внезапно нарушили границу и вторглись в пределы Великой Чжоу. Великий

генерал Лю Хучэн вывел армию наперерез захватчикам. Однако во время преследования отступающего врага левый авангард попал в песчаную бурю, угодил в засаду врага и был разбит. Судьба бойцов оставалась неизвестной.

Среди пропавших без вести числился и генерал Бай Вэньхань.

<http://bllate.org/book/20088/2002106>